

Когда Бай Муюнь вернулся из супермаркета с продуктами, он застал Чу Цзяньцина у самого порога: тот вольготно восседал на чемодане, уткнувшись в телефон.

Увидев хозяина квартиры, Цзяньцин поднял голову и поднялся:

— О, явился! Ну и когда ты наконец дашь мне ключи?

— Разве что во сне, — отрезал Бай Муюнь.

Цзяньцин тенью последовал за ним в дом, заприметив два увесистых пакета в его руках:

— Ого, закатываешь пир в мою честь?

Муюнь принялся методично забивать холодильник покупками.

— Ты хоть раз видел, чтобы я готовил? Это всё для тебя.

— Зря я надеялся, что у великого Бай Муюня найдется хоть капля совести.

— С какой стати мне проявлять благородство к нахлебнику?

Чу Цзяньцин развалился на диване, закинув ногу на ногу, и принялся чистить мандарин.

— Я тут по пути Чу Лианя с Лу Янем встретил. Впервые видел их вживую. Что и говорить — парочка загляденье, настоящая «Юньян», глаз не оторвать.

Бай Муюнь на мгновение замер, но промолчал.

— Тебе что, даже не интересно, чем они там вдвоем занимались?

— А ты знаешь?

Цзяньцин ухмыльнулся:

— Понятия не имею.

— Тогда не носи чепухи.

— Грубо, Брат Юнь, ох как грубо, — протянул тот.

Подойдя к дивану, Муюнь выразительно посмотрел на длинные ноги друга, преграждавшие путь.

— Убери свои копыта.

Цзяньцин с улыбкой потеснился:

— Слушай, я буду тебе готовить, а ты разреши мне пожить тут подольше, а?

— «Подольше» — это сколько? — Муюнь сел рядом.

— Столько, сколько смогу.

— Тебя что, из дома выставили?

— Глаз-алмаз, Муюнь. Ты зришь в самый корень.

Бай Муюнь окинул его красноречивым взглядом, в котором так и читалось: «Удивительно, что это случилось только сейчас». Не медля больше, он достал телефон и набрал Цзи Бая:

— Цзи Бай, найди квартиру. Район получше, чтобы тихо, планировка светлая, средних размеров.

Чу Цзяньцин взирал на него с выражением глубочайшей скорби.

— Испокон веков мужчины были вероломны... — простонал он, стоило Муюню положить трубку.

— Вопрос с жильем я решил, с тебя только деньги. Надеюсь, ты не собираешься прикидываться нищим?

— После того как этот коварный предатель разбил мне сердце, придется раскошелиться.

— Ладно, выкладывай, что стряслось?

Цзяньцин снял очки и устало потер переносицу.

— Да так... Скучно стало пару дней назад, вот я и совершил каминг-аут перед родителями. Старика так взбеленились, что чуть в драку не полезли. Брат велел мне отсидеться где-нибудь, пока они не остынут.

—...Ну ты силён, — хмыкнул Бай Муюнь. — Не знал, что ты от скуки решаешься на такие подвиги.

— Чем раньше, тем лучше.

— Справедливо, — кивнул Муюнь.

— А ты?

— Знаешь, почему я не даю тебе задержаться здесь?

Цзяньцин вопросительно выгнул бровь.

— Пресса меня уже давно заочно «разоблачила». Если ты поселишься у меня и нас снимут папарацци, для них это станет окончательным и беспощадным подтверждением.

— Эх, тяжелое бремя популярности, — рассмеялся Цзяньцин, хлопнув друга по плечу. — За десять лет в индустрии — ни одного скандала, ни одной интрижки. Слишком чистая репутация тоже доставляет хлопот.

Муюнь кивнул в сторону кухни:

— Иди готовь. Я голоден.

— Да я только присел!

— Хозяин квартиры хочет есть.

— Бай Муюнь, ты хоть капельку человек?!

— Грубо, брат Чу, ох как грубо.

Воскресенье.

Бай Муюнь в черной кожаной маске сидел в дальнем углу дивана с бокалом красного вина, с нескрываемой скукой наблюдая за танцующими гостями.

Юнь Чжицю устроила на свой день рождения бал-маскарад.

Изначально Муюнь планировал просто вручить подарок и сразу уйти, но сестра исчезла сразу после начала, и теперь ему оставалось только ждать её появления.

Сделав глоток вина, он заметил сияющую Юнь Цинцин, направлявшуюся прямо к нему.

— Муюнь.

Он едва заметно кивнул в ответ.

Женщина присела рядом, заметно нервничая.

— Я думала, ты не придешь к Чжицю. Насчет моей просьбы об эпизодической роли для тебя в её фильме... Я правда не хотела навязываться, не пойми превратно.

— Вам в вашей семье не надоело меня донимать? — в голосе Муюня прорезалось раздражение.

— Я просто... Чжицю только пришла в этот бизнес, она совсем ничего не смыслит. У вас хорошие отношения, я надеюсь, ты присмотришь за ней.

— Чжицю через пару месяцев сдавать экзамены. И ты в это время тащишь её сниматься? Какая из тебя мать после этого? — Он поставил бокал и с издевкой добавил: — Так не терпится окунуть дочь в этот вертеп?

Лицо Юнь Цинцин пошло пятнами, она открыла рот, но не нашла слов.

— Хочешь, чтобы она прославилась пораньше? Хорошо иметь такую мать — сразу и дорожку выстелет, и всё устроит.

— Муюнь, не говори так... Я... я ведь и твоя мать тоже. Если тебе что-то нужно, ты всегда можешь обратиться ко мне.

Бай Муюнь лишь сухо усмехнулся и отвернулся.

С самого дебюта он ни разу не просил помощи ни у Бай Юэ, ни у неё. Весь путь к вершине он проделал сам, набивая шишки и пробиваясь с боем. О его карьере слагали легенды, но мало кто знал, что за этой легендой стояло в сто крат больше пота и крови, чем у любого другого.

Между ними повисла тишина. Муюнь молчал, потому что ему было нечего сказать этой женщине, а она — потому что судорожно искала хоть какую-то общую тему.

Ситуацию спасла сама именинница.

— Мама! Брат!

Юнь Чжицю сняла маску, явив миру свое очаровательное, свежее лицо. Она унаследовала добрую долю красоты матери, и в сочетании с чертами отца это делало её по-настоящему ослепительной.

Муюнь протянул ей подарочную коробку:

— Твой подарок.

Чжицю просияла и, прежде чем он успел среагировать, бросилась ему на шею:

— Спасибо, братик! Ты самый лучший!

Бай Муюнь пошатнулся, удерживая равновесие.

— Отпусти, — беззлобно проворчал он. — Посмотри на себя, ведешь себя как маленькая.

Она со смехом отстранилась и прильнула к нежно улыбающейся Юнь Цинцин.

— И мама тоже лучшая.

Муюнь отвел взгляд. Семейная идиллия: любящая мать, преданная дочь.

— Брат, приедешь к нам на Новый год? — Чжицю ухватила за его рукав.

Юнь Цинцин тоже посмотрела на него с надеждой.

— Нет. В праздники я работаю.

— Ну почему ты вечно так занят! — расстроилась сестра.

— Работа — это хорошо, — лаконично ответил он.

Они присели. Чжицю вцепилась в руку брата мертвой хваткой, словно боясь, что он испарится в следующую секунду. Муюнь, собиравшийся ускользнуть, вынужден был сдаться.

— Брат, у тебя намечаются новые съемки?

Он невольно вспомнил Лу Яня.

— Пока нет.

— Слушай, а что ты думаешь, если я тоже пойду в актрисы? Буду как ты и мама.

Муюнь помолчал, бесстрастно взглянув на Юнь Цинцин, и только потом обратился к сестре:

— Ты должна хорошенько подумать. Ты действительно любишь актерство? Или тебе просто нравится блеск софитов?

— Ну-у...

— Не выбирай этот путь только ради славы. Это куда тяжелее, чем кажется со стороны. Только истинная страсть поможет тебе удержаться на плаву.

— А как понять, что это страсть?

— Это когда ты чувствуешь себя счастливой, несмотря на любую усталость и боль, — ответил Муюнь. — Ты ведь собралась сниматься в фильме?

— Да, мама порекомендовала меня режиссеру!

— Если я для тебя всё ещё брат, послушай моего совета: сначала сдай экзамены, а потом решай, хочешь ты быть актрисой или нет.

Юнь Цинцин нахмурилась, собираясь возразить, но Чжицю опередила её:

— Хорошо, сделаю как брат сказал! Сначала экзамены!

Для неё слова Муюня всегда были истиной в последней инстанции.

Мать посмотрела на дочь с явным неодобрением — такая возможность сняться у именитого режиссера выпадает раз в жизни, а та отказывается по первому слову. Но стоило ему посмотреть на неё холодно и спокойно, как она услышала вопрос:

— Вы ведь не станете возражать?

— Мама, брат прав, — вставила Чжицю.

—...Не стану, — выдохнула Юнь Цинцин.

Поболтав еще немного, Чжицю убежала к друзьям, пообещав позже привести их познакомиться с братом. Муюнь тут же поднялся.

— Ты куда? — спросила мать.

— Выйду покурить.

Бай Муюнь прислонился к стене в тихом углу коридора рядом с урной. Он затянулся, медленно выпустил колечко дыма.

Не докурив и до середины, он затушил сигарету — слышались шаги. Кто-то остановился в паре метров от него.

Муюнь поднял голову и замер.

— Лу Янь? Ты что здесь забыл?

Тот не отвечал, лишь смотрел на него странным, застывшим взглядом.

Муюнь выпрямился и нахмурился. С Лу Янем было что-то не так — он напоминал сломанную куклу, у которой забыли завести пружину.

Лу Янь сделал еще пару неуверенных шагов, пошатнулся, и в нос Муюню ударил резкий запах алкоголя.

— Ты пил? И сколько же ты в себя влил?

Вместо ответа Лу Янь просто рухнул на него. Муюнь едва успел подхватить это тело, отступив на несколько шагов, пока не уперся в стену.

Лу Янь инстинктивно обхватил его за талию, уткнувшись лицом в изгиб шеи. Его мягкие волосы щекотали кожу, и Муюнь невольно вздрогнул.

— Сяо Бай... — прошептал Лу Янь над самым его ухом.

Бай Муюнь почувствовал, как кружится голова — то ли от близости, то ли от паров спиртного, исходящих от мужчины. Это замешательство помешало ему сразу оттолкнуть незваного гостя.

— Сяо Бай...

— Лу Янь, отпусти меня сейчас же!

Но тот лишь сжал объятия еще крепче, и его голос сорвался:

— Сяо Бай, я виноват... Я так виноват перед тобой...

— Не бросай меня, прошу... Пожалуйста, не уходи, Сяо Бай...

Муюнь, собиравшийся оттолкнуть его, замер.

— Прости меня, слышишь? Я совершил ошибку. Прости...

Лу Янь лихорадочно повторял эти слова, в голове у Муюня всё перемешалось, и он даже не заметил нескольких вспышек в тени в конце коридора.

— Не уходи, я не смогу тебя догнать...

— Прости меня.

Муюнь почувствовал, как воротник намокает. Он коснулся плеча — кожа была влажной.

Он был искренне потрясен. Лу Янь... плакал?

Цзинь Фэйфэй вышла на поиски Лу Яня: тот сказал, что ему нужно в уборную, но пропал на вечность. Если бы она знала, что за углом он наткнется на Бай Муюня, она бы ни за что не вышла. Наоборот, прыгнула бы в машину и уехала, предоставив Муюню заботиться о пьяном друге — она была уверена, что тот не бросит его на произвол судьбы.

Но стоило ей развернуться, чтобы незаметно исчезнуть, как её окликнули.

— Цзинь Фэйфэй, заberi своего парня. Он на мне виснет, — голос Бай Муюня был ледяным.

Она обернулась с вымученной улыбкой:

— Ха-ха, Муюнь, сколько лет, сколько зим!

— Я не привык повторять дважды.

Фэйфэй не могла в одиночку уволочь на себе рослого Лу Яня, так что ей пришлось умолять Муюня поддержать его, пока она вызовет помощника. Все эти пять минут атмосфера была настолько натянутой, что Фэйфэй едва не лишилась чувств.

Наконец прибежал ассистент и подхватил нетрезвого режиссера.

— У него же аллергия на алкоголь, разве ты не знала? Нельзя было давать ему пить, — не выдержал Муюнь, когда они уже собрались уходить.

Цзинь Фэйфэй остановилась и обернулась:

— Я не могла его остановить. Он пил с инвесторами. Если бы ты...

Она осеклась, тяжело вздохнула и ушла.

Муюнь прекрасно понял, что она хотела сказать. Он промолчал и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

<http://bllate.org/book/18159/1752213>